

твующей идентификации. Однако этот вопрос требует дополнительных исследований и его можно наметить лишь как тенденцию.

Исходя из полученных результатов исследования, можно сделать несколько выводов. В структуре представлений о личности профессионала выделяются две основные категории: профессионально важные «инструментальные» характеристики личности и общепрофессиональные.

Профессиональное самоопределение учителей охватывает короткую временную перспективу, что связано с достаточно низким уровнем притязаний при сохраняющейся высокой самооценке.

Представления учителей о личностных характеристиках профессионала весьма различны и образуют типы в зависимости от того или иного вектора направленности: этическая направленность, открытость, толерантность, требовательность-исполнительность, квалифицированность, декларируемое понимание, неконфликтность.

Представления о личности профессионала связаны с профессиональными идентификационными категориями; ориентация на ту или иную сферу педагогической деятельности как базисную предполагает опору на соответствующие ей личностные характеристики.

УДК 615.851

И.Ф. СИБГАТУЛЛИНА

Институт развития образования Республики Татарстан

E-mail: dr-irena@yandex.ru

Транскультурная миссия психотерапии: что меняет психологию жителей Востока и Запада?

Рассматривается новая культурная реальность как результат процесса глобализации, ее восприятие и интерпретация современной личностью, варианты построения человеком модели восприятия мира, полученные в результате смешения индивидуалистических и коллективистских культур Запада и Востока. Даются вариации ответов на вопрос о возможности взаимопонимания между жителями Востока и Запада. Обозначены возможности транскультурной терапии при оказании помощи людям в построении эффективного, безопасного для их здоровья способа восприятия мира и взаимодействия с ним. Изложена частная научная концепция.

Ключевые слова: глобализация, новая культурная реальность, горизонтальный или вертикальный Западный индивидуализм – Восточный коллективизм, «путешественники» и «консерваторы», транскультурная миссия психотерапии.

I.F. SIBGATULLINA

The Transcultural Mission of Psychotherapy: what Transforms Psychology of People living in the East and the West?

The article considers a new cultural reality as a result of globalization, its perception and interpretation by the present-day personality. It looks into models that a person builds for perceiving the world, and that are obtained as a result of mixing the individualistic and collectivistic cultures of the West and the East. Various answers to the question of a possibility of mutual understanding between people of the East and the West are provided. Prospects of the transcultural therapy assisting people in shaping an efficient and safe way of perceiving the world and interactions with it are outlined. A private scientific concept is presented.

Key words: globalization, new cultural reality, horizontal or vertical Western individualism – Eastern collectivism, «travelers» and «conservatives», transcultural mission of psychotherapy.

Наш мир изменился. Возникла новая культурная реальность, частью которой является сам человек. Его новыми «атрибутами» взгляда на мир является внутренний диалог «исторической памяти» с религиозной культурой, этикой, моделями поведения и проявлением форм «самости».

В нашей концепции существует несовпадение понятий «личность» и «человек», пос-

кольку первое всегда в некотором, наиболее важном, смысле больше второго. Психологическая школа разделила внутренний мир человека на эго и самость (К. Юнг). Эго относится к самости как часть к целому. Эго обладает свободой воли, но самость как центр внутреннего мира включает сознательные и бессознательные реакции и комплексы. Тогда личность не совпадает с индивидуальностью.

тью человека. Личность – есть ни к чему не сводимое явление.

Тема взаимопонимания между Востоком и Западом – это не вопрос психологии этноцентризма или расширения (смещения) традиционных зон христианского и мусульманского мира. Важна актуализация субъективных аспектов культуры Востока и Запада, оставляющих ментальные отпечатки в моделях поведения и саморегуляции личности, выбора ею модели развития и жизни.

В понятии *новая культурная реальность* исходными и ключевыми являются, на наш взгляд, все три оставляющих. В новой культурной реальности каждая личность по-своему интерпретирует процессы глобализации, и как следствие происходит перпендикулярное (а не параллельное) восприятие контрастов восточного коллективизма и западного индивидуализма. Это означает, что в перпендикулярной модели восприятия мира коллективизм Жан-Жака Руссо уже не противостоит индивидуализму Джона Локка.

Современный житель и на Востоке, и на Западе (и особенно в восточно-европейском пространстве) живет в среде, где происходит смешение как коллективных, так и индивидуалистических форм проявления «самости». Выделим только четыре из них: независимость или зависимость, одинаковость или

различность. Такой «концепт» можно изобразить в виде декартовой системы координат (рисунок).

Каждый выбор горизонтального или вертикального западного индивидуализма – восточного коллективизма может проявиться в многозначительных психологически выраженных и закрепленных формах, например: независимый индивидуализм, зависимый коллективизм, одинаковый индивидуализм, одинаковый коллективизм, различный индивидуализм, различный коллективизм. На Востоке в коллективистских культурах понятие «горизонтальный» означает чувство единства, а «вертикальный» – готовность пожертвовать собой ради ее блага. В смешанных западно-восточных, т.е. смешанных индивидуалистических и коллективистских культурах «горизонтальное» означает равноправие (особенно в отношении личностного статуса), а «вертикальное» измерение – неравенство и привилегии.

Согласно нашим наблюдениям, в современном российском обществе мы обнаружили три различных группы признаков, основанные на описываемых конструктах: 1) типичные признаки коллективистского общества; 2) отдельные аспекты, которые свойственны только индивидуалистическим культурам; 3) так называемая российская специфика, не поддающаяся описанию обеими категориями. Признаки последней отчасти можно отнести к советскому периоду, отчасти к российским особенностям вообще, и они часто связываются с понятием «русской души». Следует заметить, что не только в России, но и, например, в Германии, душу соотносят с национальным характером. Там говорят о «немецкой народной душе», однако, по-видимому, русская душа более загадочна и непроницаема и поэтому привлекает большее внимание.

С точки зрения транскультуральной психотерапии мы пришли к заключению, что «русская душа» включает четыре составляющих – если можно употребить такой термин:

- западно-европейскую, что характеризуется отношением к работе и профессиональной деятельности, обучению и получению образования;
- восточную: значение семьи, детей, родителей, внимание к старшим; значение дружбы и дружеских связей; интерес к духовным вопросам;
- советскую: особенности межличностных коммуникаций, коллективизм во всех сферах

	Индивидуализм	Вертикальный	
Горизонтальный			Горизонтальный
индивидуализм			коллективизм
	коллективизм	Вертикальный	

Некоторые коллективные и индивидуалистические формы проявления «самости» в декартовой системе координат

жизни; способ воспитания детей и установки к этому; особенности повседневной семейной жизни; отношение к собственности;

– российскую: «русская тоска» у некоторых, сравнимая по величине лишь с просторами страны; терпение, выдержка; понимание и признание психологических и социальных проблем; альтруистическая установка; многовековое сосуществование более чем 150-ти культур в одном многонациональном обществе; значимость духовно-магических аспектов и наличие суеверий; эмоциональность и высокая активность как внутреннее стремление к движению.

Обратимся к проблеме путешественников и консерваторов. Возможно ли между ними взаимопонимание? И возможно ли взаимопонимание, к примеру, между шведом, американцем, израильянином, россиянином, индусом, немцем, японцем?

Чтобы ответить на этот вопрос, определим «их координаты» в представленной системе: швед – горизонтальный индивидуализм; американец – вертикальный индивидуализм; израильянин – горизонтальный коллективизм; россиянин – разнообразные варианты; индус – вертикальный коллективизм; немец – горизонтальный индивидуализм; японец – вертикальный коллективизм. На наш взгляд, решение задачи не однозначно и имеет три варианта.

Первый: да, взаимопонимание возможно. Обязательным условием тогда будет отказ каждого из представленной группы от этноцентрического мировоззрения, признание мудрости религиозной культуры и этики другого. Коэффициент вероятности подобных совпадений имеет, хотя он низкий. При идеальном совпадении форм поведения всех представителей группы мы получаем взаимопонимание.

Второй: нет, взаимопонимание невозможно, если каждый из представителей группы «законсервирует» знания о своих культурных отличиях и не сформирует мотив для их расширения. Количество совпадений чуть ниже среднего, однако выше, чем в первом случае.

Таким образом, видно, что в случае первого варианта решения мы имеем дело с людьми, выбирающими (или демонстрирующими) модель роста, модель развития личности. Назовем их путешественниками. Им жизненно важно и интересно путешествовать в «иное». Во втором случае мы имеем дело с

теми, кто выбирает модель стагнации. Назовем их консерваторами. Если принять предложенную нами логику поиска решения, то, в конечном счете, «виноватыми» в отсутствии взаимопонимания должны оказаться либо те, кто «мешает подтягиваться до модели роста», либо те, кто «сбивает консерваторов с их самобытного пути». А. Герцен еще 150 лет назад нашел этому хорошую психологическую иллюстрацию: «Одни хотят насильственно раскрыть дверь будущему, другие насильственно не выпускают прошедшего...»¹.

Есть и третий вариант решения: и «путешественники», и «консерваторы» способны образовать свой круг. А внутри него, как известно, легче найти взаимопонимание, за его же пределами – почти невозможно. И это уже не связано с культурно-культурной идеологией восточного коллективизма и западного индивидуализма, восточного базара и западного рынка, восточного ритуала и западного модерна, восточного «не-бытия» и западного «бытия», наконец, восточной мудрости созерцания, молчания восходящего солнца и западной мудрости слова и убеждения на закате светила. Это связано лишь с родственной или контрастной топологией, т.е. двумя разными смыслами, образующими связь (сопряженность).

Но в отличие от топологии Север – Юг, которая носит социокультурный характер, поиск решения вышеупомянутой задачи, по сути, есть отражение цивилизационной дилеммы. Если личность осознает суть цивилизационной дилеммы, значит, она способна и произвести анализ собственной культуры, и осуществить поиск «своего» круга. Примером этому могут служить те, кто живут территориально удаленно от культуры предков, но сохраняют способность к родству и взаимопониманию, и наоборот, оставаясь «внутри» культуры, способны путешествовать в иное без потерь, лишений и напряжения.

Иллюстрацией предлагаемого нами подхода служит научный труд Ф. Фукуямы «Доверие: социальные добродетели и социальное процветание» (1999). В этой работе дается сравнительный анализ обществ с высоким и низким уровнем доверия в аспекте экономической эффективности². Для представителей общества с низким уровнем доверия характерен психологический фамилизм – акцент на культурно-семейных связях в ущерб всем остальным видам социальных отношений. Классическое воплощение психологическо-

го фамилизма – китайская культура. Там существует тенденция доверять только родственникам и не доверять людям вне семьи и родственных групп. Страх перед чужаком мешает переходу, например, семейного бизнеса к профессиональному менеджменту, что ограничивает пределы роста отдельной личности.

Хочется оспорить и миф об исключительном индивидуализме американцев, каждый из которых так или иначе «находится в своем кругу» унаследованной культурной привычки. Наиболее важной частью унаследованной культуры являются этические коды, посредством которых личность регулирует свое поведение, отсюда – и высокая религиозность американцев, их «энергичная» добродетельность.

Подводя итоги, можно сказать, что различие между «путешественниками» и «консерваторами» заключается не в их жизненных выводах, стратегиях адаптации к Западу или Востоку, а в процессах, где они принимают участие, приходя к этим выводам.

Вторым итогом будет то, что данный подход не концентрируется на этнопсихологии, этнокультуре, расовом происхождении или организационной общественной культуре. Он подразумевает только психологию личности и выбор личностью модели развития.

Третьим итогом является то что новая культурная реальность XXI в. акцентируется на индивидуальных добродетелях, способности личности к эффективному доверию и сотрудничеству. Иные механизмы создают лишь суррогат взаимного доверия.

Рассмотрим транскультурную миссию психологии и психотерапии. Понимание особенностей этой миссии, на наш взгляд, невозможно без обращения к новой культурной реальности и способу понимания мира, неизбежно преодолевающему культурные, ментальные, национальные границы и парадоксально соединяющему *все со всем*. На наш взгляд, транскультурная миссия практической психологии и психотерапии сегодня – это помощь людям в построении нового, эффективного, безопасного для их здоровья способа восприятия мира и взаимодействия с ним. «Заметим, что сходную задачу ставит перед собой и социальная критика, исходящая из того, что любая теория является определенной программой восприятия, а потому ею можно воспользоваться для со-

здания такой структуры реальности, которая позволяет действовать наилучшим образом. Относясь к глобализации не как к новому социальному явлению, а как к новому способу понимания социальной жизни, новому способу глядеть на мир и повествовать об этом, мы тем самым учреждаем новую реальность»³. Сложность в том, что отныне реальность менее анализируется и исследуется, чаще она учреждается.

Транскультурная миссия психологии и, особенно, психотерапии заключается и в том, что современная личность может найти освобождение в осознании персональной способности к конструированию своей новой культурной реальности. И это то, что может происходить в процессе психотерапии, когда ставят под вопрос привычные, но переставшие быть эффективными жизненные смыслы, установки, ценности. Во время этого процесса человек, может быть, впервые в жизни задумывается о том, на какой картине мира основываются его выборы и предпочтения, цели и мечты, страхи и сомнения. Транскультуральная психотерапия предоставляет время и место, чтобы остановиться и подвергнуть ревизии свой выбор модели (варианта) жизни, свою способность путешествовать в иное или «не впускать» чужаков в свой культурный круг.

Можно сослаться на опыт терапии в форме «культурного ассимилятора». Многие, имеющие опыт групповой психотерапии «культурного ассимилятора», говорят, что смогли «сделать» свои ожидания по поводу возможного поведения человека другой культуры, более точными. И это способствовало освоению изоморфных атрибуций, характерных для незнакомой человеку культуры. Впервые подобный подход был освоен в 1960-х гг. Первые терапевтические программы «культурных ассимиляторов» были предназначены для европейских служащих, взаимодействующих в своей работе с арабами, греками, иранцами, тайцами. По сути, «культурный ассимилятор» является методом когнитивного ориентирования.

Переход от монокультурного подхода к транскультуральной психотерапии, по мнению Н. Пезешкиана (основоположника позитивной психотерапии), заключается еще и в том, что любая психологическая история личности уже есть отражение культуральной оценки и представляет собой интерпретацию психотерапевтом некоей другой интерпре-

тации, основанной на культурном сознании. Отметим, что отсутствующая «культуральная чувствительность» многих терапевтов привела к ошибочным диагнозам. Возникает и еще один вопрос: а какие способности имеют и готовы реализовывать сами психотерапевты – способность к «путешествиям»

или «стагнации»? Наконец, культуральная обусловленность психотерапии означает, что незавершенность мировых общественных изменений на Востоке и Западе не дает мировой психотерапии универсального метода и характеризуется сегодня неполной мерой возможностей.

Примечания

¹ Герцен А.И. О воспитании и образовании / Сост.: В.И. Ширяев; АПН СССР. М., 1990. С. 123.

² См.: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и созидание процветания. М., 2004. С. 45.

³ Глухова И. Психотерапия в меняющемся мире // Existentia: психология и психотерапия. 2008. № 1. С. 37–51.

УДК 378.015.3

И.В. АРЕНДАЧУК

Педагогический институт Саратовского государственного университета

E-mail: arend-irina@ya.ru

Профессиональная деятельность преподавателя в системе высшего образования: психологический аспект

Выявлена психологическая структура субъектных свойств личности в научно-педагогической деятельности, условия формирования профессионально-личностной Я-концепции преподавателя и особенности его мотивации. Проанализирована личностная и социальная значимость профессии преподавателя высшей школы; рассмотрена специфика профессиональной среды, психологическое содержание деятельности и профессиональных компетенций в ней; определена функционально-уровневая организация научно-педагогической деятельности.

Ключевые слова: научно-педагогическая деятельность: субъектный и деятельностный уровни, компоненты, личностная и общественная значимость; преподаватель высшей школы: профессиональная Я-концепция и мотивация, профессиональные компетенции и функции.

I.V. ARENDACHUK

Professional Activity of the Teacher in the System of the Higher Education: the Psychological Aspect

The psychological structure of subject properties of the person in scientific and pedagogical activity, conditions of formation of the professional self-ideal of the teacher and feature of its motivation is revealed. The personal and social importance of a teaching profession of the higher school is analyzed; specificity of the professional environment, the psychological maintenance of activity and professional competences in it is considered; the functionally and levelly organization of scientific and pedagogical activity is defined.

Key words: scientific and pedagogical activity: subject and activity levies, components, persons and social importance; teacher of the higher school: professional self-ideal and motivation, professional competences and functions.

В современных психологических исследованиях деятельность преподавателя в системе высшего профессионального образования практически не изучается во взаимосвязи ее двух основных компонентов – научного и педагогического: в исследовательских работах показана специфика какого-либо одного из них. Причем в первом случае акцент делается на особенностях научного мышления и познания, на специфике научного обще-

ния и творчества, изучается личность ученого, проводится социально-психологический анализ деятельности современных ученых (А.Г. Аллахвердян, А.А. Бодалев, Е.А. Володарская, Л.А. Рудкевич А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский и др.); во втором – педагогический труд рассматривается в основном в системе общего образования (Н. С. Глуханюк, Т.Д. Дубовицкая, Н.А. Загуменных, А.К. Маркова и др.). Психологические исследования отде-